

Vasily V. Markhinin,
PhD, Professor;
Surgut State University

Ancient Athenian Democracy: Forms and Quasiforms

Key words: aristocratic democracy, tyranny, oligarchic and ochlocratic democracy, quasidemocracy.

Annotation: *The paper analyses the essence of ancient Athenian state system of the classical period, usually qualified as a perfect form of democracy. To attain this objective the author studies historical prerequisites of Athenian state system of the classical period. The author comes to the conclusion that political forms of aristocratic democracy that preceded “the age of Pericles” are the closest to proper democracy, whereas the state system of the classical period, that made an end to aristocratic nature of democracy, degenerated into quasidemocratic forms – oligarchy and ochlocracy, that predetermined Athens’ loss (and at the same time – loss by other Greek polises) of political sovereignty.*

Обязаны ли Афины своим подъемом демократическому строю?

Вторая половина V века – IV век до н.э. – классический период в истории Древней Греции. Подъем Греции в этот период был сопряжен с возвышением Афин, ставших политическим и культурным центром страны.

Возвышение Афин во многом определялось их особенно важной ролью в отражении персидского нашествия на Элладу в первой половине V века до н.э. В ходе войны с персами Афины выступили организатором союза греческих полисов – Делосского союза (учрежден в 478 г. до н.э.). Руководство союзом обеспечивало политическое доминирование над большей частью полисов Греции и способность принуждать их к неукоснительной уплате взносов в союзную казну, а единоличное распоряжение казной обеспечивало экономическое могущество Афин, ставшее материальной базой их культурного подъема.

Важное, а многими авторами – основное значение в подъеме Афин в этот период отводится также их демократическому строю. Однако думается, что, как минимум, проблематичны и такое значение афинского политического строя, и его обычная квалификация в качестве образцово демократического (1). Не правильной ли предположить, что именно афинский политический строй этого периода был, напротив, источником слабости и, в конце концов, фактором последовавшего за подъемом упадка Афин и всей Греции? Исследованию существа политического строя Афин классического периода и посвящается данная статья. Для решения этой задачи важно учесть, что предпосылки афинского политического строя классического периода создавались предшествующей традицией социально-политического устройства.

*Исток традиции демократического строя:
от первобытной демократии к демократическим монархии и аристократии*

Исток демократической традиции лежит в демократизме строя первобытно-общинного коммунизма (2). Институтами первобытной демократии были народное собрание – высшая распорядительная и судебная инстанция и совет старейшин – коллегия умудренных жизнью и особенно авторитетных людей, занимающаяся повседневной административной деятельностью.

Переход от первобытности к классовому обществу связан с возникновением государства, имеющего первоначально, как правило, форму монархии. Во многих полисах Греции и в Афинах, в частности, классовое рабовладельческое государство и царская форма правления возникают в XIII – XII веках на почве военно-племенной демократии. Военная организация полиса служит основным инструментом формирования рабской рабочей силы и гарантом суверенитета полиса. Однако эта первоначальная монархия, во всяком случае, в архаической Греции, в том числе – в Аттике, вовсе не является полным разрывом с первобытной демократией. И при монархии сохраняются пришедшие из первобытности институты демократии: народное собрание, по-гречески – *эκκλησία* (ἐκκλησία) или *агора* (ἀγορά), и совет старейшин, по-гречески – *буле* (βουλή). Видимо, именно в царский период совет старейшин, буле, становится в Афинах Ареопагом (Ἀρειος πάγος, буквально – холм Ареса; Арес – бог войны) – советом военной знати, аристократии (др.-греч. ἀριστέυς, лучший) (3, р. 129-131). Другое дело, что теперь высшей правящей инстанцией выступает царь, базилевс (др.-греч. βασιλεύς).

Но базилевс не самодержец – его власть особенно сильно ограничивается Ареопагом, а отчасти и агорой, так что фактически можно сказать, что верховная власть принадлежит соединению базилевса, Ареопага и агоры (4). Поэтому, вероятно, не случайно последний афинский царь – Кодр, когда к середине VIII века до н.э. единоличная наследственная власть в условиях расширения и смещения состава родоплеменных объединений стала вести к их столкновениям, без какого-либо сопротивления передал власть Ареопагу.

Социальная общность аристократии, принадлежавшей к различным родоплеменным группам, обеспечивала единство полиса. Аристократия для исполнения этой миссии обладала навыками властвования и моральным авторитетом, поскольку именно аристократия была носителем этики доблести, арете (ἀρετή) (5) – благородства, не совместимого ни с корыстью (πλεονεξία), пороком олигархии (власть немногих; от ὀλίγος, немногий и ἀρχή, власть), ни с развязностью (ὑβρις) – пороком охлократии (др.-греч. ὀχλοκρατία; от ὄχλος – толпа, и κράτος – власть). Вследствие этого именно аристократия была лучше других социальных слоев способна культивировать этико-правовой принцип *эвномии* (др.-греч. εὐνομία, благозаконие), который стал актуальным в связи с потребностью в разработке и введении в жизнь полисного законодательства.

О конкретном характере первоначального режима аристократии в Афинах, к сожалению, мало что известно. Но ясно, что Ареопаг и учрежденные им должности архонтов (ἄρχων, начальник, правитель) не устранили агору и, следовательно, вполне

правомерно предположить, что раннюю власть «лучших» можно охарактеризовать как своего рода демократическую аристократию. В подтверждение такой характеристики сошлемся на вывод, который делает А.Ф. Лосев на основании анализа материала гомеровских поэм: вместе с падением монархии зарождалась аристократическая республика (4), т.е. форма государственного правления, в которой органы власти избираются или формируются представительными учреждениями на определенный срок, глава государства также избирается, а не наследует власть. Непосредственно по поводу афинского политического устройства, сменившего монархию, находим точное его определение, данное еще в античности. Знаменитый афинский оратор Исократ (436 – 338 гг. до н.э.) в своей Панафинейской речи говорит о наследниках царской власти, что они установили демократию, которая «пользуется аристократическим принципом» (Исократ, XII, 131; пер. И.А. Шишова).

*От первоначальной демократической аристократии через олигархию
к демократической олигархии*

Века с небольшим хватило, чтобы демократическая аристократия выродилась, как об этом свидетельствует законодательство Драконта (записано предположительно в 621 г. до н.э.), в олигархический режим (6). Драконт впервые установил в Афинах имущественный ценз на занятие государственных должностей и обладание полными правами гражданина (Аристотель. Афинская полития, 4, 2). Очевидно, решающую роль в этом сыграло бурное развитие в VII веке до н.э. в Греции и, в частности, в Аттике товарно-денежных отношений. Следствием стало имущественное, в первую очередь – земельное разорение широких слоев простого народа и обращение богачами разорившихся соотечественников в кабальное рабство. Олигархическая власть, разорявшая народные массы коррупцией, поборами, непомерным налоговым бременем, приводившим к обезземеливанию, вызывала широкий народный протест. Социальная стабилизация требовала преобразования формы правления на началах демократии, призванной дополнить принцип эвномии принципами *исономии* (ἰσωνομία) – равенства всех граждан перед законом и *исеγοрии* (ἰσηγορία) – равной свободы слова (речи) так, чтобы посредством правильного сочетания всех этих принципов осуществить *справедливую* форму власти в полисе.

Эта задача в греческих полисах решалась по-разному. В Афинах в первой половине VI века до н.э. попыткой осуществления справедливой формы власти явились реформы Солона. Но реформы Солона (594 г. до н.э.), запрещавшие долговое рабство и возвращавшие должникам земельные наделы, имущественный гражданский ценз не устраняли, а лишь по-новому упорядочивали. Тем самым демократизация не была проведена последовательно и олигархия сохранила влияние (иерархия властных полномочий строилась в соответствие с размером доходов). Это была, по сути, олигархическая демократия. Принцип равноправия здесь попирался, а, значит, проблема справедливой власти была далека от разрешения. Иначе говоря, Солон, несколько смягчив олигархический режим, придал ему силу легитимности.

Ранняя тиранния как форма аристократической и простонародной демократии

Продолжавшее нарастать социальное неравенство вызвало народное возмущение и широкую поддержку программы борьбы с олигархией, выдвинутой народным вождем Писистратом. Тиранния Писистрата (правил с перерывами с 560 до 527 года до н.э., года своей смерти) была типом ранней тираннии (*τύραννος*, *тиранн* – точная этимология слова неизвестна; возможно, это заимствованный греками у персов титул правителя). Большинство поздних тиранний – это формы единоличной, насильственно установленной и удерживаемой власти, осуществляемой исключительно в личных интересах данного правителя. Но поздние тираннии – это деградировавшие, переродившиеся формы тех ранних тиранний, при которых правление осуществляет народный вождь в интересах широких народных масс. Такая форма власти оказывается необходимой, поскольку для подавления олигархии требуется концентрация диктаторских полномочий в руках одного лица. По сути, тираннию Писистрата, как и большинство ранних тиранний, следует квалифицировать как аристократическую и вместе с тем простонародную демократию, так или иначе совмещающую этико-правовые принципы эвномии, исономии и исегории, т.е. это форма власти, строящаяся в соответствии с идеалом справедливости. Как подметил в своё время Аристотель, тиранн «ставится из среды народа, именно народной массы, против знатных, чтобы народ не терпел от них никакой несправедливости». И дальше: «События ясно показывают это. Ведь большинство тираннов вышли, собственно, из демагогов (т.е., из *народных вождей*; без известного одиозного смысла, привнесённого в слово *демагог* позже. – В. М.), которые приобрели доверие народа тем, что чернили знатных» (Политика. Кн. пятая (Е), VIII, 2 – 3; пер. С.А. Жебелев).

Показательно, что Писистрат, придя к власти, сумел, в конце концов, и Солона привлечь на свою сторону. Как передает Плутарх, «Солон сделался его советником и одобрял многие его деяния» (Плутарх. Солон, XXXI; пер. С. Дестунис). Не случайно и то, что даже в эпоху Перикла, которая, как обычно считается, была будто бы эпохой самой совершенной античной демократии, «в широких кругах афинского населения ещё сохранились воспоминания о времени Писистрата как об эпохе Кроноса (эпоха, когда, по преданию, царили общее равенство, мир и первобытный коммунизм)» (7).

Вырождение аристократической и простонародной демократии в тираннию

В правление сына Писистрата Гиппия (правил с 527 до 510 г. до н.э.), видимо, происходило постепенное вырождение аристократически-демократического содержания афинской тираннии. Убийство заговорщиками брата Гиппия Гиппарха стало толчком для окончательного превращения тираннии Писистратидов в то, что ныне понимают под тираннией как таковой. Вникая в положение дел, нельзя не согласиться с мнением, что такая эволюция совершалась под воздействием разлагающего влияния на режим товарно-денежных отношений и ожесточенной борьбы с заговором олигархических кругов, который, судя по всему, возглавлял будущий реформатор афинской политической системы Клисфен (3, р. 370).

Олигархическая демократия vs. аристократическая демократия

После падения власти Гиппия сложилась влиятельная аристократическая группировка Исагора. Против нее выступил Клисфен, обратившийся к народу с обещанием введения демократии. Получив для этого необходимые полномочия от народного собрания, Клисфен провел реформы, направленные на установление демократии, очищенной от аристократического влияния (508 – 506 гг. до н.э.). Для достижения этой цели он уничтожил традиционное деление на территориально-родовые округа (филы), заменив их демами и объединив эти чисто территориальные единицы так, что роды в новых округах оказались смешанными. Подрывая тем самым политическое влияние родовой знати, т.е. аристократии, черпавшей свои силы и влияние в филах, реформы Клисфена открывали дорогу олигархической демократии (7).

Но для того, чтобы эти реформы стали фактором полной победы олигархии над аристократической демократией, требовалось еще подорвать роль Ареопага, являвшегося, так сказать, материальным воплощением государственного духа и воли аристократии. Афинское государство, приступив к отражению начавшегося вскоре после реформ Клисфена персидского нашествия (499 г. – 449 г. до н.э.), востребовало доблести и организационно-управленческий опыт аристократии. В результате произошло возрождение аристократической демократии, которой теперь не потребовалось выступать в форме тирании. Как сообщает Аристотель, война вызвала усиление Ареопага. В частности, организационная деятельность Ареопага стала залогом успеха греков в ключевой для всей войны битве – в морском Саламинском сражении с персами. Поэтому Ареопаг «стал управлять государством, взяв на себя руководство делами не в силу какого-нибудь постановления, но вследствие того, что ему были обязаны успехом морской битвы при Саламине». Аристотель добавляет: «По этой-то причине и стали тогда подчиняться его авторитету, и действительно управление у афинян было прекрасное в эту пору» (Аристотель Афинская полития, 23, 1 – 2; пер. С.И. Радциг). Именно Ареопагу, а также выдающимся политическим лидерам и полководцам из числа аристократов Аристиду и Кимону принадлежит едва ли не основная заслуга в основании и укреплении Делосского союза (8). Политическая линия, проводившаяся Аристом и Кимоном, состояла в налаживании дружественных отношений Афин со Спартой, также внесшей очень значительный вклад в борьбу с персами. Естественно, что эта политическая линия усиливала возможности Греции в отпоре персидским завоевателям.

Однако по мере приближения победы в войнах с персами все сильнее дает о себе знать противостояние линии, проводимой аристократической демократией, со стороны тех политиков, которые аттестуют себя истинными демократами, истинными выразителями интересов народа. Один из их лидеров, Эфиальт, сначала возбудил ряд судебных дел против отдельных членов Ареопага за будто бы злоупотребления полномочиями, чтобы дискредитировать этот орган. А затем, воспользовавшись отсутствием Кимона в связи с его участием в военном походе, провел через народное

собрание меры против Ареопага (462 г. до н.э.). Исконно принадлежавшие Ареопагу высшие контрольно-ревизионные функции были переданы иным государственным инстанциям: совету пятисот, народному собранию и гелизе (ήλιαία, суд присяжных). В условиях, когда политическая роль аристократии уже до этого была подорвана реформами Клисфена, лишение Ареопага реальной власти свело ее почти на нет. В результате культивировавшиеся аристократией доблести – благородство, честь, верность слову и др., значимые для честной, направляемой идеалом справедливости, политической деятельности, стали девальвироваться, зачастую подменялись мотивом личной или узкогрупповой выгоды.

Другой стороной деятельности Эфиальта и всей партии антиаристократических демократов была империалистическая политика по отношению к полисам Греции. «Истинные» демократы всеми, не в последнюю очередь – военными, средствами добивались увеличения притока взносов от членов Делосского союза в афинскую казну, вновь и вновь повышая их размер для отдельных участников. Той же цели увеличения поборов служила политика пополнения числа союзных Афинам полисов за счет их вывода из общегреческого союза и, соответственно, разжигания конфронтации со Спартой.

«Золотой век» Перикла: формы квазидемократии

Когда через год после проведения реформы Эфиальт был убит неизвестным лицом при невыясненных обстоятельствах, политическую линию, заложенную этой реформой, подхватил Перикл. «Золотой век Перикла», 50-е – 30-е гг. V в. до н.э., – это время, когда в результате его реформ аристократия и ее ценности все больше утрачивали значение для государственного строя. Перикл провел закон об оплате государственных должностей. Вместе с тем право на избрание архонтами и судьями (булевтами) в дополнение к высшим сословиям пентакосиомедимнов и гиппеев (доход соответственно выше 500 и 300 медимнов зерна), к которым обычно относились аристократы, получили зевгиты (доход выше 200 медимнов зерна; в армии зевгиты служили гоплитами, т.е. тяжеловооруженными пехотинцами). В результате шансы аристократии как социального слоя влиять на политику в силу малочисленности этого слоя стали еще более ничтожными, чем после предыдущих реформ – реформ Клисфена и Эфиальта. В том же направлении действовал и проведенный Периклом закон о гражданстве, согласно которому гражданином считался лишь тот, у кого не только отец, как было ранее, но и мать являлись афинянами. Многим аристократам закон грозил утратой афинского гражданства, поскольку в их среде было широко принято заключение браков с женщинами неафинянками.

Оплата государственных должностей служила кроме расширения социальной базы демократии повышению уровня жизни афинского населения. Та же цель достигалась реализацией принятой по инициативе Перикла грандиозной государственной программы строительства храмов и административных зданий: строительство обеспечивало работой и заработком как скульпторов и архитекторов, так и массы простонародного населения. Конечно, помимо практически-экономической

пользы это строительство стало материальной базой и импульсом для культурного подъема Афин, для превращения этого полиса в культурный центр Эллады.

Но при этом главным источником расширения социальной базы и укрепления той системы правления, которая в этот период состоялась в Афинах; источником опережающего другие регионы роста уровня жизни и культурного взлета явился – в отличие от имевшего место при Писистрате экономического и культурного подъема, который опирался на собственные силы афинского народа – империалистический грабег подвластных Афинам полисов («союзников»). Следовательно, внутренний и внешний, империалистический, аспекты политики «настоящих» демократов, настроенных против аристократического влияния на государство, и особенно – политики Перикла, которая ознаменовалась полным торжеством противостояния аристократии, связаны неразрывно, не могли обходиться друг без друга.

То, что «очищенная» от аристократического элемента перикловская демократия является «чистой» демократией и будто бы образцовым строем государственного правления, – это лишь видимость. Анализ логики эволюции предшествующих ей форм подводит к мысли, что за фасадом перикловской демократии не может не скрываться альтернативная аристократической демократии демократия олигархическая. Внимательное рассмотрение демократии перикловского образца, т.е. афинской демократии в «век Перикла» и после него, убеждает, что это так и есть. Но сравнительно с предшествующими классическому периоду эпохами в собственно классический период, поскольку возможность аристократической альтернативы олигархии теперь уже уничтожена, эта олигархическая компонента демократии дополняется другой альтернативной возможностью – той, которую античные критики демократии называют «крайней демократией», «властью бедных», «властью черни», иногда – «охлократией». То есть теперь обе противоположные возможности трансформаций демократии имеют социально негативный характер.

Прежде всего, не нужно думать, что распространение на имеющих низкие доходы зевгитов права быть избираемыми на государственные должности могло означать на деле равные возможности богатых и бедных управлять государством. Ведь право на занятие государственных должностей так и не получили представители беднейшей категории населения – феты (к фетам относились лица с доходом ниже 200 медимнов, это были мелкие землевладельцы, батраки, поденщики, городская беднота; эти люди служили в войсках в качестве легковооруженных воинов и матросов). А, главное, ключевые с точки зрения возможностей реального обладания властью государственные посты занимали исключительно богатые и притом зачастую особенно богатые люди – будь то знатного, будь то – все чаще – не знатного происхождения. Так что законодательная отмена имущественного ценза, обеспечивающего олигархический характер афинской демократии, не могла отменить негласный ценз, устанавливаемый самим богатством, источником которого являлась, не в последнюю очередь, империалистическая нажива. С другой же стороны, поскольку от массы низов общества, обладающей подавляющим числом голосов, зависел исход голосований во всех высших государственных инстанциях – народном собрании, Совете пятисот, гелиэе – ораторы, политические лидеры, заинтересованные в определенных решениях, заискивали перед массой, развращали ее подачками и подкупами голосов. Мало того,

что масса бедноты чаще всего не была способна компетентно судить о существовании рассматриваемых вопросов, она к тому же, будучи дезориентированной корыстными политиками, была не готова руководствоваться высшими интересами государства. Когда же эту массу сбивали с толку разногласия или подстрекательства политических лидеров, она, отдаваясь во власть эмоций, могла принять и охлократические, совершенно иррациональные решения. «Таким образом, блестящая афинская демократия, опирающаяся, с одной стороны, на народное собрание и систему выборной власти, а с другой – на морское могущество, и находящаяся в расцвете, содержала внутри себя силы и течения, способные уничтожить ее» (6).

С 443 г. до конца 430-х гг. до н.э., в течение 14 лет, Перикл ежегодно избирался стратегом (στρατηγός – военачальник, полководец). Хотя он был одним из десяти стратегов, но обладал безусловным лидерством, был вождем, протатом (πρωτάτης – покровитель) народа. Оппозиционно настроенные граждане обвиняли Перикла в тиранническом правлении, в том числе – в тирании по отношению к союзникам (Плутарх. Перикл, 3, 12, 16). Что касается отношения к союзникам, то это, безусловно, так – это была даже не просто тирания, но именно тирания. Но и обвинение в тирании по отношению к согражданам не безосновательно. Так, современник Перикла, отнюдь не противник, а, напротив, его апологист, знаменитый историк Фукидид замечает: «Перикл, опираясь на свой авторитет и ум <...>, свободно сдерживал народную массу, и не столько она руководила им, сколько он ею; по имени это была демократия, на деле же власть принадлежала первому гражданину» (Фукидид, II, 65). Как раз постольку, поскольку Перикл правил единолично (в 444 г. до н.э. по настоянию Перикла из Афин был изгнан его последний серьезный политический противник – Фукидид, сын Мелесия (*Не путать с историком Фукидидом*)), но удовлетворяя запросы граждан, то есть, поскольку он правил в духе ранних тираний, в частности, афинской тирании Писистрата (в отдаленном родстве с которым он, кстати, состоял), ему и удавалось обеспечивать политическую стабильность, экономическое и культурное процветание. Но поскольку правление Перикла было в существе своем все-таки не аристократической протонародной демократией, как правление Писистрата, а имело характер олигархической и охлократической демократии, постольку оно с неизбежностью шло к своему краху.

После поражения в 447 г. до н.э. афинян вместе с некоторыми их союзниками в битве со спартанской и беотийской армией при Коронее, восстания на Эвбее в 446 г. до н.э., с трудом подавленного Афинами, после перехода Мегар из Афинского в Пелопонесский союз и наступления на Аттику большого спартанского войска Перикл вынужден был провести через народное собрание решение о заключении Тридцатилетнего мира Афин со Спартой. На самом же деле обещание столь длительного мира со стороны Перикла было лицемерием. Перикловские Афины постоянно вмешивались в дела Пелопонесского союза, нагнетали напряженность на границах сфер влияния двух союзов. Перикл, чтобы лучше подготовиться к войне с Пелопонесским союзом, лишь несколько оттягивал ее начало. Действуя вполне по-олигархически, он покупал мир – нужный ему временно – тем, что, как сообщает Плутарх, каждый год, начиная с 445 г. до н.э. и вплоть до начала Пелопонесской войны,

выплачивал тайно и неподотчетно из казны Афинского союза большие взятки Спарте (Плутарх. Перикл, 23).

К концу тридцатых годов V в. до н.э. политическое положение Перикла пошатнулось. В народе нарастало недовольство его политикой, вызванное начавшимся снижением жизненного уровня, пересудами о незаконных тратах им денег из союзной казны, его аморальным с точки зрения общественности поведением в личной жизни: разводом с женой и сожительством с имеющей скандальную репутацию гетерой Аспасией (ходили слухи, что ее салон был скорее притоном, из которого она предоставляла девушек, в частности, и Периклу). В этот период началось возвышение Клеона – первого простата народа незнатного происхождения, очень богатого сына кожевенника, выступившего соперником Перикла. Клеон со своими сторонниками, не решаясь сразу выступить против самого Перикла, организовал процессы над лицами из его ближайшего окружения. Философ Анаксагор был обвинен в непочитании богов, его присудили к штрафу и изгнанию из Афин. Скульптора Фидия обвинили в краже золота, отпущенного на изготовление статуи Афины для храма на Акрополе и в непочтении к богам (будто бы он изобразил на щите Афины себя и Перикла). Фидий умер в заключении. Подругу Перикла Аспасию обвинили в сводничестве и нечестивости. Только слезное обращение прежде всегда невозмутимого Перикла к судьям, растрогавшее их, избавило Аспасию от осуждения. Было ясно, что обвинения вот-вот будут предъявлены и самому Периклу.

Между тем, внешняя политика, руководимая Периклом, все ближе подводила Афины к столкновению со Спартой. Три внешнеполитических акции его правительства в 433 – 432 гг. до н.э. явились прямой провокацией войны: взятие острова Керкиры под защиту от Коринфа – метрополии острова и союзника Спарты; осада Потидеи, являвшейся колонией Коринфа; и очень обременительные экономические санкции против Мегар, которые ранее, выйдя из Афинского союза, перешли на сторону Спарты.

Решив поправить свое внутриполитическое положение, Перикл форсировал начало войны (Плутарх. Перикл, 31 – 32), отказавшись пойти на какие-либо уступки Спарте, возмущенной афинскими провокациями (9, р. 183). Однако надежда Перикла на то, что война, заставив сограждан сплотиться вокруг него как своего вождя, сделает его неуязвимым для политических преследований, не оправдалась. Начавшаяся в 431 г. до н.э. Пелопонесская война почти сразу обернулась вторжением спартанцев в Аттику. Среди ее граждан, которые по требованию Перикла, не придумавшего ничего лучшего, как их сселение в укрепленные Афины, опустошение неприятелем сельской местности вызвало возмущение тактикой вождя. На этой волне недовольства его сместили с должности стратега и взыскали с него огромный штраф за растрату государственных средств. Когда же через год вновь избранный стратегом Перикл применил ту же тактику обороны полиса, в Афинах вспыхнула страшная эпидемия чумы – о возможности которой в перенаселенном городе простат народа вообще-то должен был бы догадываться. Вместе с огромным числом обитателей Афин чума унесла жизнь и двух сыновей Перикла. Сам он, сраженный горем, и тоже уже заболевший чумой, перед смертью просил в нарушение закона, принятого по его собственному настоянию, чтобы было дано афинское гражданство его незаконному сыну Периклу младшему, сыну от чужеземки Аспасии. Так военными бедствиями для афинского народа и личным

моральным и физическим крахом для самого вождя завершилось это демократическое (т.е., конечно же, – олигархически-охлакратически-демократическое) правление, почему-то называемое «золотым веком».

Последствия квазидемократии «золотого века»

Продолжавшаяся после смерти Перикла еще целую четверть века опустошительная и бесчеловечная Пелопонесская война своим ходом и, особенно, результатом развенчала панегирики (πανηγυρικός – похвальная публичная речь) афинской демократии, которые ей пропели немногие ее современники (сам Перикл, историки Геродот и Фукидид) и сонмы авторов, современных нам. С особой ясностью действительное внутреннее содержание афинской демократии обнажили два события, связанные с военными поражениями.

Первое событие началось с авантюрного решения, принятого народным собранием по предложению политика-авантюриста Алквиада, близкого родственника и приемного сына Перикла – решения об отправке флота на Сицилию для захвата союзных Спарте Сиракуз (415 г. до н.э.). Явное превосходство военной силы сиракузян над афинянами привело к разгрому афинского войска (413 г. до н.э.). В ситуации вызванного сицилийским поражением отпадения союзников, опустошенной казны, ожидания полного поражения в войне демократия, имея цель получить помощь против Спарты от персидского царя, видит спасение в перерождении в более приемлемый для царя режим – олигархию. В соответствии с замыслом недавних крайних демократов Писандра, Фриниха, Ферамена и др., без труда обратившихся в убежденных олигархов, принимается олигархическая конституция, которая отдает верховную власть совету четырехсот; народное собрание, действующее лишь номинально, ограничивается пятью тысячами человек, имеющих наибольший достаток, отменяется оплата государственных должностей. Переход происходит при полной поддержке афинского народа. Олигархия сразу же развязывает террор, служащий обогащению власть имущих. Естественно, что олигархическое правление терпит банкротство: Персия отказывает в субсидиях, армия терпит поражения, отпадение союзников продолжается. Население тем более разочаровывается в режиме, что лишается денежных раздач за исполнение выборных обязанностей. Поэтому вскоре совершается обратный переход от откровенной к прикрытой олигархии, сначала в форме правления «Пяти тысяч», которое апологист Перикла историк Фукидид с полным почтением и большой точностью называет «благоразумным смещением олигархии и демократии» (История, VIII, 97).

Предварением второго события явилось сражение большого, из 150 триер, афинского флота против спартанского флота в 406 г. до н.э. у Аргинусских островов близ берегов Малой Азии. Тогда из-за начавшегося шторма оказалось невозможным предать погребению тела моряков с этих поврежденных кораблей – и корабли, и тела разметала и потопила буря. Ответственные за проведение погребений в данном морском походе вожди демократов, Ферамен и Фрасибул, страшась ответственности, отправились в Афины и оклеветали стратегов, руководивших сражением, заявив, что они проявили неуважение к священному обряду, не позаботившись о погребении

погибших моряков. Возмущенное народное собрание вызвало стратегов в Афины и по наущению клеветников, нарушив принятую законом процедуру разбирательства, приговорило невинных стратегов к смерти. Символично, что среди казненных стратегов был и Перикл младший. Символично и то, что это был тот самый случай, когда из всех пританов (πρύτανις, правитель), выборных должностных лиц, занятых в процессе, только знаменитый философ Сократ, критик демократии, также казненный ею позже, публично осудил незаконные действия собрания и отказался голосовать за его решение, несмотря на то, что ему самому за это уже тогда грозил смертный приговор.

Политический разброд и падение дисциплины в войсках привели к военным поражениям Афин от Спарты. Политики и народное собрание, пытаясь смягчить Спарту, решают, как и в 411 г. до н.э., вновь сменить демократическое правление на олигархию. Народное собрание приговаривает к смерти Клеофонта, богача из простонародья, вождя радикальной демократии (т.е. охлократии), отговорившего народное собрание от мира со Спартой (как будто он, а не само же народное собрание принимало решение). Между прочим, по предложению этого же Клеофонта незадолго до того была введена плата в два обола за посещение народных собраний, что сделало его, казалось бы, горячо любимым народом (надо бы сказать – толпой, а не народом). Казню Клеофонта было подготовлено открыто олигархическое правление. Когда Афины пали и их полным поражением и безоговорочной капитуляцией завершилась Пелопонесская война (404 г. до н.э.), Спарта, стремясь предотвратить возрождение афинского милитаризма, потребовала изменения политического устройства на старинный «отеческий строй». Народное собрание безропотно проголосовало за установление олигархии. В коллегия, призванную разработать проект реформы, вошло 30 богатых людей, озабоченных не народными нуждами, а тем, чтобы стать еще богаче. Часть из этих людей входила и в предыдущую правящую олигархию. Коллегия тридцати, не спеша представить проект реформ, первым делом назначила 500 членов народного совета и других должностных лиц и, опираясь на них, стала действовать в интересах личного обогащения ее членов. Сначала они, реквизируя имущество, казнили сикофантов (σικοφάντης, доносчик), лиц, избравших своей профессией и источником доходов привлечение к суду нарушителей тех или иных законов. Народ (конечно, в качестве толпы) одобрительно отнесся к массовой казни сикофантов, поскольку данная категория граждан была многими презираемой. Но тем самым массы лишь благословили Тридцать на эскалацию корыстного террора. Те казнили подозреваемых в приверженности демократии; казнили под разными предлогами тех, чьим имуществом можно было хорошо поживиться. Как говорили современники, Тридцать за восемь месяцев правления убили больше афинян, чем Спартанцы за десять лет войны. (Позже правление Тридцати стали звать правлением Тридцати тиранов). Народные массы, конечно, поддержали свержение этого преступного террористического олигархического режима. Но народное собрание согласилось, зато, и с тем полисным примирением, которое узаконили возвратившиеся к власти псевдodemократы: никто не должен был преследовать правивших прежде олигархов.

После Пелопонесской войны в сельское хозяйство и ремесло проникают товарно-денежные отношения, большого размаха достигают торговые операции,

особенно связанные с импортом зерна из Причерноморья. Разрабатываются новые серебряные рудники Лавриона, Пангея, Фракии, Лидии. Возникает и распространяется ростовщичество. В итоге, с одной стороны, широкие слои населения погружаются в бедность, в Афинах появляется большая масса люмпен-пролетариев, людей, лишенных собственности и источников доходов. С другой стороны, растут размеры богатства слоя оборотистых предпринимателей и дельцов. «В IV в. до н. э. появляются богачи, располагающие внушительными капиталами в несколько десятков талантов, в то время как в V в. до н. э. таких было буквально единицы. Теперь среди богачей были не только знатные граждане, но и метеки, иностранцы, занимающиеся ремеслами и торговлей» (10).

Именно из представителей этого слоя формируется политическая элита. Таковы, например, трое из самых известных афинских политиков первой половины IV века до н.э.: Ификрат, Хабрий и Тимофей. В частности, известно об огромном богатстве Тимофея: «Случалось, что он, благодаря своему богатству и личному кредиту, содержал афинский флот и вел войну на собственные средства» (11).

В IV веке до н.э. демократия выступила, наконец, в полностью «очищенном» от аристократического начала виде. Как констатирует один из исследователей: «Времена “аристократической демократии” остались позади. Крайне редко среди политиков IV в. до н.э. можно встретить настоящих аристократов. Да и они тоже, как выясняется, если присмотреться к их деятельности повнимательнее, занимали влиятельное положение не из-за своего “благородного” происхождения, как бывало раньше, а исключительно в силу личных качеств и способностей» (9, p.227). Теперь «реформы» сводятся лишь к расширению объема денежных раздач массам афинского населения; раздач, призванных поддерживать исправность «машины голосования». Если и можно вслед за некоторыми авторами говорить о стабильности афинской демократии в IV веке до н.э., то лишь в том смысле, что олигархия к этому времени научилась с помощью денежных рычагов контролировать охлократию, удерживая ее от опасных для общественного спокойствия эксцессов.

Главным предметом обсуждений во властных инстанциях стали не вопросы внутреннего развития полиса, а вопросы внешнеполитических ориентаций. Подразумевалось, что ключом к решению всех проблем, в том числе – внутренних, является, так сказать, наиболее правильный выбор союзника или союзников для достижения господствующего положения в той или иной союзной коалиции, а, в конечном счете, во всей Греции.

Анализ политической истории Афин и Греции в IV веке до н.э. показывает, что в основе попыток Афин обеспечить этому полису с его демократическим (т.е. квазидемократическим) устройством и благодаря этому устройству господствующее положение в стране путем создания коалиций и манипуляций союзниками по коалициям лежали совершенно иллюзорные представления о тогдашней политической реальности. Как можно заключить, никто из афинских политиков этого века не замечал, что уже не Афины манипулируют кем-либо, а Афинами манипулируют гораздо более мощные центры силы – сначала Персия, а во второй половине века Македония. Но именно продажность олигархии и была важнейшим фактором внешнеполитической манипулируемости правительств, в интересующем нас случае – правительства Афин, и,

наконец, полной утраты суверенитета этого полиса, как и других греческих городов-государств, после разгрома греческой коалиции македонским войском (338 г. до н.э.).

References:

1. Finley MI. *Politics in the Ancient World*. Cambridge, 1983; Ober J. *Mass and Elite in Democratic Athens*. Princeton, 1989; Surikov IE. *Ancient Greece: policy in the context of the era: the heyday of democracy*. Moscow, 2008; and etc.
2. Ex: Morgan LG. *Ancient Society or research lines of human progress from savagery through barbarism to civilization*. Trans. from English. MO. Indirectly. Ed. Second. Leningrad, 1935; F. Engels. *The Origin of the Family, Private Property and the State: K. Marx and F. Engels. Ed. the second. T.21*. Moscow, 1961; 52 - 56; Kagarov EG. *Vestiges of primitive communism in the social system of the ancient Greeks and Germans*. Moscow; and other.
3. Tumans H. *Birth of Athena. Athens path to democracy: from Homer to Pericles (VIII - V centuries BC.)*, St. Petersburg, 2002.
4. Losev AF. *Homer. Ed. Sat., Corr.*, Moscow, 2006; 115 - 116.
5. In fact, the Greek word prowess - ἀρετή and aristocracy from ἄριστος - the best, excellent - the same root.
6. Vladimir MU *Athenian oligarchy*. [Internet] Available from: http://www.centant.pu.ru/aristeas/monogr/vladim_m/vlad_m11.htm 2001.
7. Lurie SJ. *History of Greece*. St. Petersburg, 1993; 203, n. 35.
8. Hammond N. *History of Ancient Greece*. Moscow, 2003; 276 - 280.
9. Surikov IE. *Aristocracy and demos: the political elite archaic and classical Athens*. Moscow, 2009.
10. Kuzishchin VI. *The Greek world in the first half of the IV. bc. The crisis of the classical polis: History of Ancient Greece. Proc. JV. Andreev, GA. Koshelenko, VI. Kuzishchin, LP. Marynovych; Ed. VI. Kuzishchin. 3rd ed., Rev. and additional*. Moscow, 2005; 107 - 117; 210.
11. Buzeskul VP. *The history of the Athenian democracy*. St. Petersburg, 1909; 396.